

На правах рукописи

МУСАНОВА Светлана Семеновна

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ТРАДИЦИЯХ ПРИЛУЗСКИХ КОМИ

10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург – 2014

Работа выполнена на кафедре русской и общей филологии
Института гуманитарных наук
Сыктывкарского государственного университета.

Научный руководитель: Кандидат филологических наук
Татьяна Степановна Канева

Официальные оппоненты: Доктор филологических наук
Татьяна Григорьевна Владыкина

Доктор культурологии
Александр Николаевич Розов

Ведущая организация: Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН

Защита состоится « » 2014 г. в часов на заседании
Специализированного совета Д.002.208.01 по присуждению ученой
степени кандидата филологических наук в Институте русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН (199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русской
литературы (Пушкинский Дом) РАН

Автореферат разослан «__» _____ 2014 года.

Ученый секретарь Специализированного совета
Кандидат филологических наук

С.А. Семячко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертационном исследовании «Русский фольклор в традициях прилузских коми» рассматривается русский фольклорный репертуар, усвоенный этническими коми в ходе многолетних и сложных историко-культурных контактов.

Прилузский район расположен на юге Республики Коми, граничит с Архангельской и Кировской областями, с Сысольским и Койгородским районами Республики Коми. На территории Прилузья можно условно выделить как минимум две коми традиции: лузскую – она охватывает обширную территорию с несколькими группами поселений в бассейне р. Луза (приток р. Юг), и летскую – более компактную, она включает деревни, расположенные на р. Летка (приток р. Вятка). Кроме того, особое место в данном районе занимает село Лойма с прилегающими деревнями – одно из пограничных сел с исконным русским населением, в 1921 г. включенным в состав Коми области (до этого – в составе Устюжской земли, Сольвычегодского, Лальского и Усть-Сысольского уездов).

Исторически сложившаяся ситуация коми-русского пограничья во многом определяет локальную специфику исследуемого района. В двух этнических группах – лузских и летских коми, проживающих на этой территории, в результате длительных контактов с русскими сформировались фольклорные традиции, требующие пристального внимания и изучения с точки зрения межэтнических связей и влияния русской культуры на коми.

Данное исследование посвящено **проблеме** функционирования русского фольклора в иноязычной среде на примере традиций одной из этнических групп коми.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, возрастающим интересом ученых к проблемам взаимодействия этнических культур. Во-вторых, пристальным вниманием отечественной фольклористики к региональным / локальным традициям.

Объектом исследования являются прилузские фольклорные традиции. **Предметом** рассмотрения служат русскоязычные произведения в традициях прилузских коми.

Цель работы – дать характеристику русскоязычному фольклору прилузских коми, доминирующему в песенных жанрах.

Для достижения поставленной цели ставятся следующие **задачи**: 1) выявление и систематизация архивных источников; 2) определение места русскоязычного

репертуара в составе разных жанров; 3) сюжетно-тематическая характеристика фольклорных произведений в пределах анализируемых жанровых групп; 4) функционально-бытовая характеристика произведений; 5) сопоставительный анализ прилузских русскоязычных произведений с близкими вариантами из русских традиций; 6) оценка характера адаптации русских сюжетов в фольклоре прилузских коми; 7) определение особенностей двух коми традиций Прилузья – лузской и летской.

Феномен фольклорного двуязычия рассматривается на **материале** свадебных причитаний, свадебных песен, хороводных, хороводно-игровых, игровых, плясовых, лирических песен прилузских коми. Песенные жанры, как наиболее показательные в плане оценки заимствований в традициях прилузских коми, помогают раскрыть специфику бытования русскоязычного фольклора в коми среде.

В рамках данного исследования впервые выявлен и обобщен обширный корпус архивных источников по фольклору прилузских коми за большой отрезок времени (начиная с 1-ой трети XIX в.). **Источниками** исследования послужили материалы восьми архивов (в г. Сыктывкар: Фольклорный архив СыктГУ, 1970 – 2010 гг., Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ, 1960-е – 2006 гг. (записи П.И. Чисталева, А.К. Микушева, Ю.Г. Рочева, Ф.В. Плесовского и др.), Научный архив Коми НЦ, 1960 – 1976 гг.; Национальный архив Республики Коми (записи Ф.В. Плесовского), 1960-е гг.; Национальный музей Республики Коми (записи С.А. Попова, А.С. Сидорова, студентов педтехникума), 1930-е гг.; в г. Киров: Государственный архив Кировской области (рукопись М.С. Косарева), 1863 г.; в г. Санкт-Петербург: архив Русского географического общества (рукопись Н.А. Добротворского), 1882 г.; Санкт-Петербургский филиал архива РАН (рукопись А.М. Шёгрена), 1827 г. Для исследования были использованы также опубликованные записи. Кроме того, для работы нами привлекаются фотоматериалы из личного фонда А.К. Микушева, хранящиеся в Музее истории просвещения Коми края СыктГУ.

Всего нами учтено более двухсот описаний свадебного обряда, выявлено более двухсот текстов свадебных причитаний на родном языке и 17 русскоязычных причетов, обнаружен большой корпус песен на русском языке: 9 сюжетов свадебных песен (12 вариантов записи), 34 сюжета хороводно-игровых песен летских коми (239 вариантов), 25 сюжетов хороводно-игровых песен лузских коми (63 варианта), 29 сюжетов плясовых песен лузских коми (44 варианта), 14 сюжетов плясовых песен летских коми

(26 вариантов), 22 сюжета лирических необрядовых песен лузских коми (45 вариантов), 44 сюжета лирических необрядовых песен летских коми (210 вариантов).

Автор данного исследования принимал участие в фольклорно-диалектологической экспедиции СыктГУ в Прилузский район в 2005 г. и вел самостоятельный сбор материала в 2010 г.

Научная новизна работы выражена в том, что проблема заимствований русскоязычного репертуара в традициях прилузских коми впервые становится предметом специального изучения.

Теоретическая значимость исследования. В диссертационной работе решается ряд проблем, касающихся вопросов взаимодействия разноэтнических традиций и механизмов заимствования фольклорных текстов. Исследование содержит наблюдения о степени ассимиляции иноязычного материала в коми традициях, адаптации жанров в «чужой» среде, языковой сохранности материала. Основные результаты диссертации могут быть использованы в дальнейших исследованиях проблемы фольклорных заимствований, в сравнительном изучении песенной культуры более широких ареалов (финно-угорских и русских традиций).

Практическая значимость данной работы связана с систематизацией русского репертуара прилузских коми, созданием сюжетно-тематических указателей и введением в научный оборот архивных текстов, которые отражают специфику традиционной устной культуры южных коми. Ряд предложенных нами наблюдений может быть интересен при разработке учебных дисциплин и спецкурсов по фольклору. Подготовленные в диссертационной работе Приложения могут быть включены в исследования сравнительного характера.

Теоретико-методологической основой настоящего исследования являются труды ведущих отечественных специалистов в области фольклора и этнографии (В.Я. Пропп, П.Г. Богатырев, Б.Н. Путилов, В.И. Еремина, А.К. Байбурин, В.М. Гацак, Г.А. Левинтон и др.), по отдельным жанрам (К.И. Чистов, Т.А. Бернштам, Г.И. Мальцев, Ю.Г. Круглов, С.Б. Адоньева и др.), по изучению межэтнических связей (А.Н. Веселовский, В.А. Лапин, А.С. Степанова, Т.Г. Владыкина, А.А. Иванова, Т.А. Золотова, А.В. Черных и др.), по проблеме локально-регионального (Б.Н. Путилов, А.Н. Власов, С.В. Стародубцева, Р.Б. Калашникова, Т.С. Канева, Г.С. Савельева). При обращении к проблеме заимствований на коми материале мы учитывали наблюдения и

выводы, приведенные в работах П.И. Чисталева, Э.В. Померанцевой, А.А. Шергиной, Т.И. Орнатской и др.

При описании свадебного фольклора прилузских коми в методологическом отношении мы опираемся на работы К.В. Чистова, А.К. Байбурина, В.И. Ереминой, В.П. Кузнецовой и др. Важное значение для нас имеет монография Ф.В. Плесовского «Свадьба народа коми» (1968), посвященная свадебному обряду и поэзии коми (зырян).

Исследование песенно-игрового фольклора прилузских коми основывается на теоретических положениях, которые выдвигают в своих научных трудах Б.Н. Путилов, Н.П. Колпакова, Т.А. Бернштам, И.А. Морозов, И.С. Слепцова.

При характеристике лирического репертуара мы учитываем ряд работ, в том числе исследование Н.П. Колпаковой, но непосредственно при анализе произведений мы придерживаемся методологии, предложенной Г.А. Мальцевым. Из современных исследований народной лирики стоит отметить монографию И.В. Корольковой.

При оценке адаптации русского репертуара и характера взаимодействий традиций важными для нас послужили исследования теоретического плана. В частности, отдельные труды А.Н. Веселовского, который на материале сказок выдвинул идею об особой избирательности воспринимающей среды. Кроме того, мы учитывали конкретные работы по этой проблеме, посвященной фольклору Прилузского района (А.Н. Власов, Г.С. Савельева).

К проблемам заимствования на материале финно-угорских традиций обращались В.А. Лапин, А.С. Степанова, Т.А. Золотова, А.В. Черных. Механизмы формирования и функционирования фольклорных текстов в условиях межэтнических контактов рассматриваются в монографии А.В. Панюкова.

В ряде исследований затрагивался вопрос о соотношении языков в жанровой системе двуязычного фольклора: так, «крайние» позиции жизненного цикла, удерживающие наиболее явственную связь с обрядами перехода (материнский фольклор, свадебные и похоронные причитания) исполнялись на родном языке; ситуация праздничной жизни, лирика, песенно-игровой фольклор – на «чужом». Об этом писали Т.И. Орнатская, В.А. Лапин, Е.Е. Васильева, А.В. Черных, И.В. Королькова. Близкой для нас явилась мысль В.А. Лапина, Ю.А. Новикова, Т.В. Краснопольской, В.П. Мироновой о первоначальном усвоении напева, нежели самого песенного текста. Музыковедами также отмечается, что русские песни, попав в

иноязычную среду, сохраняются в архаически-уникальных для исконно русских земель формах.

При определении специфики песенных традиций важным является сопоставление местного репертуара с компилятивным общерусским репертуаром. Для сравнительного анализа прилузских песен нами были использованы, прежде всего, наиболее крупные и авторитетные издания, посвященные разным русским традициям: Мезени, Печоры, Заонежья, Карельского края, Ленинградской области, Сибири, Новгородской области, Вычегды. Из сборников, составленных на общерусском материале, мы используем, прежде всего, антологию А.И. Соболевского «Великорусские народные песни» и «Собрание народных песен П.В. Киреевского».

Степень изученности темы. Прилузские фольклорные традиции в разное время привлекали внимание исследователей, которые обращались в своих работах к разным фольклорным жанрам Прилузья. Единственной работой по свадебным причитаниям прилузских коми является монография Ф.В. Плесовского «Свадьба народа коми», содержащая сведения о тематике и поэтике прилузских плачей. Проблеме формирования фольклорных традиций Прилузья на примере свадебной лирики посвящена статья Е.А. Шевченко. В другой статье автор выявила общность прилузских (сел Лоймы, Спаспоруба и Зануля) и лузских причитаний Кировской области. Тексты приговоров и диалогов прилузской свадьбы проанализированы в статье Ю.А. Крашенинниковой; исследовательница отметила неравномерность бытования свадебных приговоров на территории района: русскоязычные приговоры были зафиксированы в тех местностях, где преобладает русское население; проникновение этого жанра в свадебный обряд коми практически не произошло.

Наибольшее внимание ученых привлекла одна из микролокальных традиций Прилузья, а именно фольклор с. Прокопьевка, который по своему географическому положению оказался самым южным и наиболее отдаленным от административного центра. Описанию прокопьевской традиционной культуры посвящена статья А.Н. Власова. Песенно-игровой репертуар летских рождественских игрищ на примере с. Прокопьевка рассмотрела в своей диссертации Г.С. Савельева. По мнению исследовательницы, в сравнении с ситуацией фольклорного двуязычия в других районах Республики Коми, в прилузской традиции локальная специфика, связанная с переосмыслением русского фольклора как иноязычного, практически отсутствует. Еще одна статья Г.С. Савельевой посвящена механизмам консервации иноэтнической

традиции на примере песенно-игрового фольклора и лирических необрядовых песен с. Прокопьевка. В статье Т.С. Каневой дана характеристика материалов любителя-краеведа П.Г. Сухогузова, уроженца с. Прокопьевка.

Считаем необходимым отметить, что для полноценной характеристики механизмов заимствования, адаптации и функционирования иноязычных текстов необходим музыковедческий анализ фольклорных произведений. Подчеркнем, что русские песни и причитания Прилузья до сих пор не подвергались специальному этномузыковедческому исследованию. Отдельные наблюдения над напевами русскоязычных лирических песен и свадебных причитаний находим в статье П.И. Чисталева «Русско-коми фольклорные музыкальные связи» (1976), в сборнике «Коми народные песни» (1993) П.И. Чисталев пишет о манере исполнения песен в Прилузье, в комментариях раскрывает особенности напевов песен и причитаний.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Русский фольклор оказал сильнейшее влияние на формирование музыкально-поэтической культуры прилузских коми. Наиболее очевидно влияние русского фольклора проявляется в жанрах песенно-игрового фольклора и необрядовой лирики, где основу репертуара составляют русские песенные сюжеты.
2. Обрядовая сфера является более закрытой для влияния «чужого». Незначительное проникновение иноэтнического фольклора в свадьбу происходило в результате непосредственной географической близости с русскими традициями.
3. Адаптация русских произведений в разных музыкально-поэтических жанрах была различной. Причитания, свадебные и лирические песни, усвоенные прилузскими коми от русских, воспроизводились без языковых искажений. Тексты песенно-игрового фольклора исполнялись на ломаном русском языке («кыдья роч» песни – букв. ‘русский с примесью’), в них отмечается большое количество трансформаций и искажений на уровне лексики.
4. В иноязычной среде традиционный русский песенный репертуар сохранился в законсервированном виде.
5. Коми традиции Прилузья неоднородны в фольклорно-этнографическом плане. Можно выделить как минимум две локальные коми традиции в составе этого района – лузскую и летскую.
6. Жанровый и сюжетный состав, функциональные особенности фольклорных произведений прилузских коми типичны для севернорусской традиции.

Формирование прилузских традиций происходило под влиянием соседних русских сел Лоймы и Спаспоруба. Большое значение сыграли традиции Архангельской, Кировской, Вологодской областей, Пермского края. В фольклорных традициях Прилузья генетически отложилось несколько историко-культурных пластов, которые возможно обнаружить в результате сравнительно-сопоставительного анализа прилузских текстов с севернорусским репертуаром. В результате тесных контактов русской и коми культур в Прилузье сложились фольклорные образования, которые правомерно рассматривать как локальные варианты севернорусской традиции.

Основными **методами** исследования являются структурно-семантический, текстологический, описательный и сравнительно-типологический, которые позволили произвести комплексное филологическое изучение русскоязычного фольклора прилузских коми. Данные методы в наибольшей степени оправдывают себя, когда речь идет о сопоставлении песенных текстов разных этнических традиций. В целях выявления локальных особенностей проводится сопоставление произведений, имеющих распространение в изучаемом районе, а также сравнение их с так называемым общерусским репертуаром.

Принцип учета экстрафольклорных факторов, этнографического контекста в изучении произведений вербального фольклора определил необходимость целостной характеристики сфер бытования песенно-игровых и лирических песен, этнографической включенности свадебных причитаний и песен. Большое внимание уделено народной терминологии, которая способствует более адекватному описанию песенных жанров. Прежде всего, мы опирались на жанрово-функциональные оценки исполнителей, отражающие реальную картину бытования.

Наше внимание направлено как на диахронический аспект бытования песенной культуры (анализ материала от первой трети XIX в.), так и на синхронический аспект (описание традиции в определенном временном отрезке).

В структурировании диссертации мы исходим из принципов жанровой характеристики фольклорных произведений. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка условных обозначений и сокращений, Библиографии и Приложений.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационной работы были представлены в виде докладов на научно-практических конференциях

международного, всероссийского, межрегионального, регионального и вузовского уровней: «Устные и письменные традиции народов европейского севера России: памяти К.Ф. Жакова и А.К. Микушева» (г. Сыктывкар, 2011), Всероссийская с международным участием научная конференция студентов и аспирантов «Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран (г. Сыктывкар, 2012), Десятые Герценовские чтения (г. Киров, 2012), XVIII Международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир: мультифольклорное пространство Поволжья» (г. Тверь, 2013 г.), а также в чтениях IV Международной школы молодых фольклористов «Фольклор и этнокультурная идентичность» (Санкт-Петербург, 2011 г.) и др. Всего по теме исследования сделан 21 доклад.

По материалам диссертации опубликована 21 работа общим объемом 6, 3 п.л., в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются цель, задачи, предмет и объект исследования, охарактеризован круг источников, обосновывается актуальность темы, научная новизна диссертации, указываются ее теоретико-методологическая основа, научная и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, даются сведения об апробации работы.

В **первой главе «Фольклорный текст свадьбы прилузских коми: соотношение коми и русского фольклора»** рассматриваются свадебные причитания и песни.

В **§ 1. «Источники изучения свадебного фольклора прилузских коми»** описываются все известные источники по свадебному фольклору прилузских коми. Всего обнаружено более двухсот текстов свадебных причитаний на коми языке и 17 причетов на русском языке. Русскоязычные свадебные песни прилузских коми в исследуемых материалах представлены девятью сюжетами в двенадцати вариантах записи.

В **§ 2. «Причитания и песни в составе свадебного обряда прилузских коми»** анализируются свадебные причитания и песни прилузских коми, прослеживается соотношение плачей и песен из родного и заимствованного репертуара в каждом из элементов свадьбы.

Доминирующее (более двухсот единиц записи) положение в прилузской свадьбе занимали комиязычные причитания. Они исполнялись повсеместно, звучали практически на всех этапах свадьбы (обход невестой своих родственников, девичник, банный ритуал, расплетение косы и передача красоты, отъезд к венцу). Причитания на родном языке бытовали в сольном исполнении и имели импровизационный характер. Вместе с тем нами выявлены коллективные причитания на коми языке.

Небольшое количество причетных текстов зафиксировано у прилузских коми на русском языке. В лузских селах Поруб и Занулье – на границе расселения южных коми – на свадьбе исполнялись и русскоязычные, и комиязычные причитания. На развитие русскоязычной причети оказали влияние русские традиции соседних сел – Спаспоруба, Лоймы, а также Лузского района Кировской области. Именно географическая близость повлекла проникновение в обрядовую сферу «чужого». В летской части района был выявлен один русскоязычный причет. Появление этого текста у летских коми связано, скорее всего, с влиянием пограничной традиции Кировской области (возможно – Лузского района). Единственная фиксация не позволяет нам говорить о двуязычном характере причитаний у летских коми.

Русскоязычные причитания имели песенную форму исполнения, что выражено устойчивостью текстов, коллективной формой исполнения, использованием песенных мотивов. Они включались в значимые моменты ритуала: рукобитье, девичник, расплетение косы, баня, приезд жениха, благословение перед венцом. Основные мотивы этих плачей – сетование отцу на преждевременное замужество, мотивы сна, самоуничижения, чужой стороны, обращение к бане с благодарностью и просьбой разрушиться, просьба к крестной расплести косу, корение жениха, свахи, свадебного поезда, испрашивание родительского благословения.

В свадебном фольклоре прилузских коми отмечается использование иноязычного от отдельных формул до целых сюжетов. Это показательно во вкраплениях устойчивых выражений в тексты коми причитаний. Прилузский фольклор в этом плане является уникальным, поскольку вобрал в себя «чужое» в большей степени, нежели все остальные коми традиции. Влияние иноэтнического особенно показательно в текстах банных причитаний. Во-первых, нами выявлено несколько причетов на русском языке, приуроченных к банному обряду. Во-вторых, в текстах банных причитаний на родном языке мы наблюдаем использование устойчивых формул, воспринятых из русских традиций.

В традициях прилузских коми возникали своего рода «дубли»: причитания, разрабатывающие сходные мотивы, звучали и на коми, и на русском языке. К таким причетам относятся, прежде всего, банные плачи, тексты с мотивами кореня и благословения. Различия подобных причетов не были связаны с их функциональной спецификой: и комиязычные, и русскоязычные тексты выполняли одинаковые функции, различия касались лишь языка. Активные контакты с русским населением способствовали заимствованию «чужих» причетов, которые в некоторых случаях заменили свои собственные. Особо показателен пример перевода русского причитания на коми язык, что говорит об активном заимствовании этих текстов.

Таким образом, свадебные причитания в Прилузье выступают «этническим маркером традиции» (как определила И.В. Королькова при изучении фольклора Прионежья). Несколько моментов прилузской свадьбы органично сочетало и коми, и русское. К таковым относятся: девичник, расплетение косы, баня, приезд жениха, благословение. Отметим, что проникновение иноэтнического довольно весомо. Только четыре этапа свадьбы прилузских коми использовали исключительно тексты на родном языке: приготовление пива, обходы родни, бужение невесты, одевание.

Свадебные песни зафиксированы в Прилузье в небольшом количестве: 5 русскоязычных свадебных песен было записано в Спаспорубском с/с (д.д. Урнышевская, Поруб, Матвеевская), 3 песни выявлено в с. Занулье, по одному варианту обнаружено в д. Елинская Объячевского с/с и с. Объячево; один текст свадебной песни зафиксирован у орловских пермяков (летские коми). Записи представлены единичными образцами, что свидетельствует о том, что проникновение этого жанра в свадебную традицию прилузских коми не произошло.

Русскоязычные свадебные песни так же, как и причитания, исполнялись в наиболее важные этапы обряда, кроме того, они представлены в послевенечной части («Каменка да каменка розгорается» – баня невесты, «По горам, горам молодой сокол летал» – приезд жениха с поезжанами). У прилузских коми было записано три величания («С-по болоту», «Из кути, вдоль по лавице», «У NN голова-то учесанная»). В одном варианте записана песня, сопровождающая выпивание ритуальной чаши («Кому чару пить»). Все русскоязычные свадебные сюжеты, бытовавшие в Прилузье, широко распространены в русских традициях. Наибольшее сходство мы наблюдаем с соседней лоемской традицией. Общими для двух традиций являются сюжеты «Отдают да младу-молоду», «Каменка да каменка розгорается», «С-по болоту», «Из кути, вдоль

по лавице», «У NN голова учесана». Что касается комиязычных песен, то было выявлено всего два текста, которые звучали на застолье в доме жениха («Пахомовна», «Пасибö невесткалы, бабушка, пасибö»), также упоминается песня «Сöкөлöс аддзис» (Сокола нашла), которая исполнялась при выдаче невесты жениху.

Говоря о характере заимствования, подчеркнем, что тексты свадебных причитаний и песен не содержат явных лексических искажений, что может быть связано с поздней по времени фиксацией этого жанра (1960-е гг.).

Еще один свадебный жанр, который был усвоен прилузскими традициями на русском языке – приговор дружки. Опираясь на исследования Ю.А. Крашенинниковой, подчеркнем, что проникновение этого жанра в коми традиции Прилузья также не произошло. Автор пришел к выводу, что единичные тексты, записанные у прилузских коми, имели в свадебном обряде особую функциональную и эмоциональную нагрузку, сопровождали наиболее «ответственные» моменты ритуала.

Вторая глава «Русские хороводно-игровые и плясовые песни в репертуаре прилузских коми» состоит из четырех параграфов и раскрывает особенности бытования русскоязычного песенно-игрового фольклора прилузских коми.

В традициях летских и лузских коми отмечается закрепленность песен за двумя календарными периодами – зимние и летние гуляния. Бóльшая часть прилузских записей имеют привязку к Святкам, сведения о летних собраниях скромны, в материалах в основном сохранена этнографическая составляющая, фольклорные же тексты практически не зафиксированы.

В исполнительской терминологии песни, которые звучали на этих собраниях, обозначались как *«рöштво сьыланкывьяс»* (рождественские песни). Добавим, что это обозначение не приурочено строго к Рождеству: исполнители включают игровые песни в репертуар любого времени года, называя их «рождественскими». Практически все песни, входящие в прилузский игровой репертуар, были усвоены из русских традиций.

В § 1. *«Хороводно-игровой репертуар лузских коми»* описываются источники изучения хороводно-игрового репертуара лузских коми, рассматриваются основные моменты исполнения песенно-игрового фольклора, а также особенности их бытования.

Всего в лузском репертуаре нами выявлено 25 песенно-игровых сюжетов в 63 вариантах записи и более 30 описаний молодежных собраний. В традиции лузских коми исполнение хороводных игровых песен происходило на «особом» «кыдья роч»

(букв. «русский с примесью») языке. Часть хороводно-игровых песен лузских коми исполнялась на родном языке.

Сценарий игрищ на Лузе включал в себя песни игровые, хороводные, хороводно-игровые (исполнялись в кругу и в хороводе «ряд на ряд» («воча-воча» – букв. «навстречу-навстречу»)). Кроме того, зафиксированы песни с припеванием пар. Непосредственно игровое действие начиналось с песни «Марпа пö сидят-кодят» (Марфа сидит-ходит), в которой перечислялись участницы молодежного собрания. Хороводные песни «Собиралися девушки да собиралися красную» с мотивом «секар (свекор) батюшко не да прелесть», «Пивö, пивö вари, мöлöдöй» с мотивом пивоварения мы также отнесли к числу наборных. Далее выстраивались линейные хороводы. В песнях «Воча-воча ветламöй» (Ходим ряд на ряд), «Пöкöди да пöпляши» реализуются мотивы веселого, разгульного поведения. Отметим, что в песне «Пöкöди да пöпляши» также возникает образ свекра-батюшки, которого не боится лирическая героиня. Данный блок песен является по сути женским. Мы находим в нем мотивы отрицания замужества, утверждения свободного и раскрепощенного поведения. Затем происходит переход на «мужскую тематику» с мотивом «женитьба добра молодца» («Каково у нас доброй молодеч да жениче» и «Бояра, бояра молодую»), при этом в текстах большое внимание уделяется внешности молодого человека. Опевание молодца содержится также в песне «Кругом, кругом да сöкöла летела». Непосредственное сближение образовавшихся пар происходило в круговых хороводах, в которых исполнялись песни «Кругом, кругом да сöкöла летела», «Расколися, N, на четыре грани», «По тискам я дубöвöй, дубöвöй». Отсутствие комментариев к текстам песен, фрагментарность записей затрудняет их описание, поэтому картина молодежных гуляний у лузских коми выглядит схематичной. С опорой на близкие варианты из русских традиций в разряд хороводно-игровых мы включили песни «Еще царю, по еще царю», «Ищется да ищется», «Пö шу морею да юсь по морю», «А уж по морью, морью синюю», «Ехал Дунай», «Солнышко, да не стой высоко». К собственно игровым сюжетам принадлежали песни «Хрен, мой хрен», «Посадили молодец, посадили удалец». Отметим, что к блоку русскоязычных хороводно-игровых песен лузских коми примкнула комиязычная песня «Воча-воча ветламöй».

Припевание пар как одна из разновидностей игровых форм молодежной женитьбы было также характерно и для лузских молодежных собраний. Всего в лузском репертуаре нами выявлено 8 припевок на русском языке и одна на коми (в

двух вариантах записи). Припевки в лузской традиции предназначались паре, как, например, «Берба, берба, бербочка» (Верба...вербочка). У лузских коми бытовали так называемые индивидуальные припевки, которые исполнялись и для девушки, и для молодого человека («Априканой, любö, да Ивановичой милöй», «Светланушкай, любö, да Васильёвнаой милö»). Рассмотренные нами тексты мы можем назвать, опираясь на терминологию Т.С. Каневой, плясовыми припевками. Г.С. Савельева обозначает подобные формы целовальными. Одну часть припевок возможно считать заимствованной из русских традиций: они имеют близкие варианты, отличаясь лишь языковыми искажениями («Берба, берба, бербочка», «Ок, ты шурина-пигурина моя»). Другая часть припевок не нашла близкого сюжетного сходства с текстами из русских традиций, но сам «механизм» построения подобных текстов был усвоен достаточно четко. Здесь мы можем говорить о творческом восприятии лузскими певицами этого жанра песенно-игрового фольклора и создании собственных текстов («Пеклеста Семеновна», «Лань-лань корошо», «Весёлса, весёлса рыжим батраком» и др.). О творческом осмыслении говорит также появление в текстах припевок мотивов и отдельных слов на коми языке.

В § 2. «Хороводно-игровой репертуар летских коми» описываются источники изучения летских хороводно-игровых песен, дается их сюжетно-тематическая характеристика, а также проводится сопоставительный анализ с общерусскими сюжетами.

На Летке отмечается хорошая сохранность и цельность фольклорно-этнографического материала зимних молодежных собраний. Это обусловлено тем, что мы имеем дело с записями, которые были сделаны в достаточно позднее время, когда традиция сохранила лишь определенную группу песен, которые и воспроизводили исполнительницы в конце 1990 – 2000-х гг. Всего мы располагаем 34 сюжетами в 239 вариантах записи. Песенно-игровой фольклор летского куста деревень был описан в диссертации Г.С. Савельевой «Коми песенно-игровой фольклор праздничных молодежных собраний» (2004). Рождественские игрища на Летке сопровождали «общие» хороводы (наборный, «плетень», «столбы»), песни с разыгрыванием и припевочные (целовальные) песни. К числу наборных относится 5 сюжетов: «На игрище девок прибывает», «Девушки, девушки не сидеть пришли», «Вейся ты вейся, капуста», «Девки в сад пошли» и «Девка, выскочи у нас». Хоровод «плетень», который следовал после наборного, был главным составляющим всего игрища. «Заплетались» в

«плетень» под песню «Из-за гор девина», после чего «расплетались» под песни «Девка, выскочи у нас» и «Ешшö встать бы мне». После «плетня» участники хоровода вставали в «столбы». Этот хоровод организовывался под песню «Вьется, вьется кругонёк», расходиться из «столбов» могли под эту же песню в чередовании с песнями «Ешшö встать бы мне», «Девки в сад пошли», «Девка, выскочи у нас». После наборного хоровода, «плетня» и «столбов» исполнялись игровые и хороводно-игровые песни для каждой образовавшейся пары: «Остров мой зеленой», «Што прошли, прошли весёлы вечера», «Ищет Борис, ходит Борис», «Ездил Иван-Караван», «Крен, мой крен, гөрödöчкóй крен», «Из-пöд дубу, из пöд вязу», «Как не по лугу лугу», «Хожу я гуляю вдоль по хороводу».

Помимо описанных Г.С. Савельевой в диссертации, нами было выявлено еще несколько сюжетов игрового фольклора летских коми: «Вдоль из улицу в конец шел удалый молодец» (рефрен «Дунай, сын Иванович Дунай»), «Александровская берёза», «Король, король-батюшко», «Пошли гуси, пошли серы», «Венчик ли мой веночик», «Из нова города всех рябинова четыре топора», «Всё по-за кругу сököличек летал». Примечательно, что они не были зафиксированы в Прокопьевском с/с. Записи этих песен содержат либо минимальные комментарии о сфере бытования и типе разыгрывания, либо не имеют их вовсе. Всего, таким образом, в группу песен с разыгрыванием вошло 15 сюжетов.

Г.С. Савельева выделила еще одну группу игрищечных песен – целовальные и припевочные (с называнием имен молодого человека и девушки). По замечанию исследовательницы, «там, где была целовальная формула – пара целовалась, где назывались имена, пара просто плясала в кругу». Данная группа песен является довольно большой (12 сюжетов): «Как у нашего у Сени», «Штой по Питерскöм заводе», «Все Аннушеньки пöдружки», «Киню-миню лебеду да берегу», «Чашечки литы, литы, литы» и др. К этой же группе Г.С. Савельева отнесла плясовую песню «Ловлина моя». В группе припевочных оказалось сконцентрировано большое количество уникальных сюжетов. Тем не менее, в них сохранились основные «признаки» припевок: поцелуйная формула, называние имен юноши и девушки.

Сопоставительный анализ с так называемым общерусским репертуаром, предпринятый в настоящей работе, показал, что все хороводные игровые песни летских коми можно условно разделить на три группы: песни узнаваемые, известные и в других русских традициях, песни с оригинальной обработкой сюжета и редкие,

распространенные только на Летке. Большая часть сюжетов имеет близкие варианты в русских традициях (преимущественно в вятской, архангельской, пермской).

В § 3. «Особенности адаптации русского фольклора в хороводно-игровом репертуаре прилузских коми» обращается внимание на наиболее характерные особенности усвоения «чужих» текстов. Адаптация заимствованных текстов происходила на разных уровнях. Прежде всего, затрагивался фонетический уровень – по звучанию тексты были максимально приближены к родному языку. На уровне морфологии можно наблюдать разного рода несогласования слов («Анна без платки»). На лексическом уровне мы выделили тексты неискаженные и искаженные с точки зрения языка. «Вершиной творчества» является создание собственных текстов на русском языке. Уникальный песенный сюжет «Каково у вас доброй молодец да жениче», устойчиво бытовавший в разных населенных пунктах Прилузья, мы вполне можем отнести к местному произведению. Овладев русской лексикой и поэтическими приемами, а также будучи знакомыми с песнями, построенными на диалоге хоров («Бояра», «Просо»), прилузские певички создали свой собственный сюжет.

К особенностям адаптации когда-то искаженного хороводно-игрового репертуара прилузских коми относятся также своеобразное «упрощение» текстов за счет замены искаженных слов более понятными, вкрапления коми лексики. Говоря о характере заимствования, подчеркнем, что в репертуаре летских коми в сравнении с лузскими трансформированных текстов не обнаружено, что связано с более поздней фиксацией этого пласта фольклора на Летке.

В § 4. «Плясовые песни в репертуаре прилузских коми» делается акцент на его сравнении с так называемым общерусским репертуаром. Наряду с плясовыми припевками (целовальными – по Г.С. Савельевой), которые были рассмотрены выше, в Прилузье бытовали плясовые песни с традиционным набором жанровых признаков: отсутствие сюжета, быстрая смена образов, плясовой ритм. Отметим, что в исследуемом нами материале практически отсутствуют комментарии о характере исполнения и приуроченности плясовых песен, что затрудняет их характеристику. Всего нами выявлено 39 сюжетов плясовых песен в 64 вариантах записи. Общими сюжетами для двух локальных традиций являются песни с инципитами «Во саду ли в огороде», «Уродиласе Дуня» («Ок, ты Дунюша Дуня»), «По бережку ходила да гуляла», «По уличи мостовой шла девица за водой», «Молодка, молодка молоденькая». Плясовые песни зафиксированы у прилузских коми не только на русском, но и коми

языке. Отдельную группу плясовых песен составляют шуточные песни, исполняемые на коми языке. Данный блок песен по содержательному признаку выделил Ю.Г. Рочев. Большая часть прилузских плясовых сюжетов вполне «узнаваема» на фоне так называемой «общерусской» традиции. Так, среди известных в русских традициях сюжетов можно отметить песни «По уличу мостовой шла девичи за водой» (встреча молодца и девушки), «Ок, ты Дунюша Дуня» (женитьба Ванюши на Дуне), «Тõ ни пõшла, тõнчивала» (девушка пляшет, устает, садится к милому на колени, батюшка бранит девушку) и др.

Так же, как и в хороводно-игровом репертуаре, весь блок прилузских плясовых песен можно разделить на две группы с точки зрения языковой адаптации. Первая – песни, не претерпевшие существенных языковых трансформаций. Вторая группа – плясовые песни, подвергшиеся языковым изменениям («кыдья роч» песни – букв. ‘русский с примесью’). К первой группе относится 30 сюжетов в 42 вариантах записи. Отметим, что сюда мы отнесли тексты, имеющие небольшие искажения на уровне отдельных слов, формул, мотивов. К первой группе относятся все песни летских коми, а также часть лузских. Вторая группа включает в себя «кыдья роч» (букв. ‘русский с примесью’) песни. К искаженным принадлежат некоторые песенные сюжеты из традиции лузских коми. К особенностям адаптации лузского плясового фольклора мы отнесли вкрапления мотивов на коми языке, «выпадения» отдельных мотивов. Также можно наблюдать такую особенность плясовых текстов, как устойчивое воспроизведение искажений, усвоенных в процессе заимствования. Заметим, что для летского репертуара данные особенности не характерны: все тексты воспроизводятся без искажений. Плясовые песни прилузских коми имеют близкие варианты из традиций Архангельской, Вологодской, Кировской областей, Пермского края.

В третьей главе «Русские лирические необрядовые песни в репертуаре прилузских коми» рассматриваются особенности бытования и исполнения лирических песен, приводится терминология исполнительства, анализируется сюжетно-тематический состав прилузской лирики, проводится сравнительно-сопоставительный анализ с близкими вариантами из русских традиций.

В § 1. «Источники изучения русских лирических песен прилузских коми» обобщаются материалы по русской лирике, накопленные собирателями начиная с 1850-х гг. Репертуар лирических песен лузских коми насчитывает 22 сюжета в 45 вариантах. В летской традиции нами выявлено 44 сюжета русских лирических песен в 210

вариантах. Отметим, что для этих двух локальных традиций общими являются только 2 сюжета: «За Невагою» и «Сизенький голубчик сидел на кудивой» (летск.) / «Очи ево ясны» (лузск.).

В § 2. «Народная лирика прилузских коми: особенности бытования и терминология исполнительства» характеризуются особенности бытования лирических песен в Прилузье, уделяется внимание терминологии, касающейся их исполнения. Особенности бытования лирических песен прилузских коми в целом схожи с русскими традициями. Русские лирические необрядовые песни не имели строгой приуроченности («*кӧть кор сьыв*» – хоть когда пой). Песни пели в праздники, на вечеринках, посиделках («*посидёнокын*»), при работе (в поле, на сенокосе, при заготовке дров, при шитье), во время отдыха («*шойччиг сьылӧнӧ*»). Отмечается исполнение лирических песен на летних гуляниях. Кроме того, они пелись на свадьбе и заменяли некоторые причитания. Доминирующим в прилузских традициях является женское пение. Но нами выявлены записи, в которых мужчины также пели эти песни вместе с женщинами. Богатая песенная терминология характерна для летской певческой традиции, что свидетельствует о процессе глубокого освоения иноязычного фольклора, высокой степени его адаптации. Лирические песни прилузских коми пелись исключительно на русском языке, но осмысление текстов, номинация песенных жанров отражаются в терминологии на родном языке.

В § 3. «Сюжетно-тематический состав лирики прилузских коми» описывается репертуар прилузской лирики, основные темы и мотивы.

При характеристике песенных текстов прилузских коми мы исходили из принципа сюжетного анализа по тематическим группам. Условно весь прилузский репертуар можно разделить на пять сюжетно-тематических блока: солдатские (рекрутские), любовные, солдатско-любовные песни, песни с темой замужества или женитьбы и сюжеты семейной тематики. Отметим, что это деление характерно и для самих исполнителей. В песнях солдатской тематики отражается тяжелая доля солдата, его прощание с родными, с любимой, служба на чужбине. В любовных сюжетах раскрываются традиционные мотивы: встречи и расставание с любимым, тоска девушки по молодцу. У лузских коми выявлен единственный балладный сюжет «Из-под ельничка было, под березничкой».

Для выявления специфики песенных традиций прилузских коми мы провели сравнительный анализ местного репертуара с так называемым общерусским

репертуаром. В результате всю прилузскую лирику можно разбить на три пласта сюжетов: во-первых, сюжеты, имеющие близкое сходство с известными в русских традициях сюжетами; во-вторых, песни с оригинальной обработкой сюжета, в которых происходит контаминация известных и редких мотивов; в-третьих, редкие и уникальные сюжеты, бытующие только у прилузских коми. В первую и вторую группы мы отнесли по 28 сюжетов. Восемь песенных сюжетов в репертуаре прилузских коми попали в число редких («Сказано было да указано», «Нападал снежок», «Что на крутом на бережочке» и др.).

Прилузский лирический репертуар обнаруживает близость с традициями Вологодской, Архангельской, Вятской областей, Пермского края. Попутно мы провели сопоставительный анализ с русскими песнями из коми традиций. Прилузская лирика обнаружила близкие варианты с песнями из Удорского (традиция Вашки), Усть-Куломского, Усть-Вымского, Княжпогостского, Корткеросского, Сыктывдинского и Ижемского районов. Также сходные сюжеты и мотивы мы выявили в коми-пермяцкой традиции. Наибольшее количество общих вариантов мы наблюдаем с вымскими традициями, а также с песнями из Удорского и Ижемского районов.

Село Прокопьевка представляет собой уникальную певческую традицию. В нем бытовало 37 сюжетов русской лирики, из них 16 известны только в данной микролокальной традиции. Пять сюжетов русской лирики зафиксировано только в с. Поруб Спаспорубского с/с.

Специфика прилузского репертуара связана с процессами освоения заимствованного фольклора. Можно выделить различную степень языковой сохранности заимствованных текстов. Искажения в текстах прослеживаются на уровне фонетики, морфологии, отдельных формул и текста в целом.

В прилузских лирических текстах происходило переосмысление отдельных слов («подпруга» – «подруга»), что приводило к появлению дополнительных сюжетных мотивов («Сизенький голубчик»). Переосмыслению подвергались непонятные слова: например, «назолушка» распадается на два слова – «назад дружка». Вкрапления комизычной лексики, малопонятных слов также являются одной из особенностей прилузской лирики. В прилузских текстах отмечается также выпадение ключевых для конкретного сюжета слов, непонятных певцам.

Адаптация песенных текстов происходила не только на языковом, но и на собственно фольклорном уровне. Можно отметить творческий потенциал летских

певиц, которые оригинально обрабатывали песенные тексты. Так, в летской песенности к известным сюжетам русской лирики добавляются финальные мотивы («Соловей мой только молодой», «Шёл, прошёл детинушка»). Лирические песни летских коми достаточно часто связаны между собой на уровне общих формул и на уровне общих текстовых фрагментов (для песен «Девушки гуляти прошли», «Питенбург-горад» общим является мотив «матрос стоит на часах»).

Среди композиционно-стилевых особенностей летских лирических текстов Г.С. Савельева отметила использование цепевидных структур; перечисление синонимичных в смысловом отношении объектов, заполняющее собой пространственную структуру «длинной» песни; нанизывание рифмованных строк, при этом содержательно-смысловая сторона отходит на второй план. В качестве особенности летских лирических песен можно отметить также устойчивое использование развернутых поэтических формул («Ох, ты полюшка наша»). Еще одна специфическая черта летской лирики – плясовой характер исполнения.

Особенности песен, зафиксированных у коми в бассейне Лузы, связаны с оригинальной контаминацией мотивов, которые в текстах из русских традиций реализуются в разных сюжетах («Вы прощайте, девки, жёнки»). Лузские коми также подвергали творческой переработке некоторые песенные сюжеты – в них появлялись дополнительные образы («Рябинушка моя раскудряваёй»). В традиции летских коми бытовали песни с контаминацией разноплановых в сюжетно-эмоциональном плане мотивов («Кого верно я люблю, нет здесь», «Ок, и не от радость, дай, радость мой же»).

Таким образом, песенные традиции летских и лузских коми различны по сюжетному составу, но сам механизм освоения заимствованного материала был схож. Даже самые известные сюжеты получили оригинальную обработку в виде вставок дополнительных мотивов и образов. Наличие в арсенале исполнителей большого количества формул и мотивов позволило комбинировать их, контаминировать с разными мотивами, придавая местный оттенок песенным текстам.

В заключении обобщаются результаты исследования и определяются перспективы дальнейшего изучения русского фольклора прилузских коми.

Как показал анализ фольклорного репертуара, рассматриваемый район состоит из двух больших самостоятельных локальных традиций – лузской и летской, отдаленных друг от друга значительным расстоянием, в пределах которых возможно более детальное выделение микролокальных образований.

В обрядовом фольклоре мы наблюдаем превалирование комиязычных текстов над русскоязычными, в свадебном репертуаре отмечено небольшое количество песен и причитаний на русском языке, искажений русских текстов нами не выявлено. В песенно-игровом фольклоре доминировали русские сюжеты, их исполнение происходило на смешанном коми-русском языке. Лирические песни исполнялись прилузскими коми только на русском языке без существенных языковых трансформаций. Подобное соотношение языков в жанровой системе характерно также для удорской традиции Республики Коми (на что обратила внимание музыковед Е.Е. Васильева), коми-пермяцкого фольклора (по наблюдениям А.В. Черных).

В результате сравнения прилузского песенного репертуара с так называемым общерусским материалом мы выделили 3 группы сюжетов: известные, песни с оригинальной обработкой сюжета и редкие. Отметим, что бóльшая часть текстов попала в первую группу, т.е. прилузские исполнители свободно владели хорошо известными в большинстве русских традиций сюжетами. Более того, в прилузских традициях в результате творческих переработок происходило появление оригинальных песен. Кроме того, в репертуар и лузских, и летских певиц входили песни редкие, близких вариантов к которым обнаружить не удалось. Наибольшая близость свадебного, песенно-игрового, лирического прилузского репертуара обнаруживается с песенными традициями Кировской (прежде всего – Лузского района), Вологодской, Архангельской областей, Пермского края. Сильнейшее влияние на Прилузье оказали, прежде всего, вологодско-архангельские традиции: в ходе проведенного исследования обнаружилось большое количество сходжений с репертуаром именно этих территорий, что обусловлено, прежде всего, историческими и культурными связями. Таким образом, прилузский репертуар, на наш взгляд, правомерно рассматривать как вариант севернорусской традиции.

Обобщая наблюдения о характере адаптации русского фольклора в разных песенных жанрах Прилузья, можно сказать, что ее следы в песенных текстах ярче всего заметны на уровне языка. В первую очередь, русские слова «подстраивались» под законы грамматики, т.е. затрагивался, прежде всего, фонетический и морфологический уровни. Что касается лексического уровня, то на более ранней стадии контактирования происходило искажение формы и значения слова, на поздних этапах – осмысленное усвоение русской лексики (как, например, в хороводно-игровой песне «Каково доброй молодец да жениче»).

Мы выделили целый ряд особенностей адаптации прилузских текстов: трансформации на уровне отдельных слов, целого текста, переосмысление отдельных слов, оригинальное осмысление значений русских слов, вставки коми слов и мотивов, осмысленное усвоение русской лексики с очевидным влиянием коми языка, замена искаженных слов более понятными, выпадение отдельных мотивов, ключевых слов, связанность текстов на уровне общих мотивов и текстовых фрагментов, устойчивое воспроизведение искажений, усвоенных в процессе заимствования.

На собственно фольклорном уровне специфика прилузской песенности проявляется в комбинации широко распространенных мотивов, в результате чего возникали уникальные песенные тексты.

В условиях билингвизма исконный русский песенный материал сохранился в более целостном виде, т.е. мы можем говорить о консервации традиции.

Активные контакты с русским населением способствовали быстрому усвоению русского языка. Населенные пункты, удаленные от русскоязычных сел, сохраняли родную речь. Так, песенные тексты, записанные в с. Поруб, которое непосредственно граничит с русским с. Лойма, практически не содержат «следов адаптации»: на фонетическом и морфологическом уровнях мы не наблюдаем влияния коми языка. В то же время, песенные тексты, записанные в Прокопьевском с/с, который значительно отдален от русских сел, по фонетическим и морфологическим характеристикам приближены к системе коми языка.

Удаленность от административного центра способствовала не только «закрытости» в плане усвоения русского языка, но и консервации музыкально-поэтических жанров. Традиция летских коми отличается хорошей степенью сохранности и разнообразием фольклорно-этнографического материала. В отличие от него лузская традиция характеризуется гораздо более скромными записями. Активные экономические, административные, культурные и другие связи привели к утрате целостности традиции.

Языковые контакты влекли за собой фольклорные заимствования. Зоны концентрации языковых контактов являлись одновременно зоной концентрации фольклорных произведений. Проживание на одной территории коми и русских, ассимиляция русских переселенцев в среде прилузских коми, а также пограничное положение Прилузского района способствовало не только усвоению языка, но и заимствованию коми традицией «чужих» текстов. Можно предположить, что

воспроизведение этих песенных текстов было «механическое», без ясного понимания содержания песен. С другой стороны, на более поздних стадиях контактирования, когда певицы осмысленно стали исполнять русские тексты, фольклорные произведения помогали лучшему усвоению языка.

Таким образом, прилузский песенный репертуар, сложившийся в результате усвоения русской традиции, представляет несомненный интерес в плане характеристики межэтнических взаимодействий. Большой корпус фольклорных текстов лузских и летских коми позволяет поставить эти традиции в один ряд с известными русскими песенными культурами. Мы можем говорить не о механическом сплаве двух культур, а о создании самостоятельных певческих традиций, в которых из большого количества русских сюжетов, мотивов и формул, очевидно, хорошо известных певцам, был создан местный песенный репертуар, бытовавший у нескольких поколений певцов.

Дальнейший сравнительно-сопоставительный анализ прилузских песен с русской традицией, с русскоязычными текстами других коми и финно-угорских традиций, а также этномузыковедческий анализ прилузского фольклора позволят расширить наши представления о специфике прилузских традиций, механизмах усвоения, адаптации и порождения подобных новообразований.

Диссертация содержит пять **приложений**:

Приложение I. Свадебный фольклор прилузских коми

А: Русскоязычные свадебные причитания прилузских коми: тексты архивных записей

Б: Комиязычные свадебные причитания прилузских коми: тексты архивных записей

В: Свадьба прилузских коми: схема обряда и жанровый состав

Г: Русские свадебные песни прилузских коми: систематический указатель сюжетов

Д: Русские свадебные песни прилузских коми: тексты архивных записей

Приложение II. Русский песенно-игровой фольклор прилузских коми: систематические указатели сюжетов

А: Русский хороводно-игровой фольклор лузских коми

Б: Русский хороводно-игровой фольклор летских коми

В: Русский плясовой фольклор прилузских коми

Приложение III: Русские лирические необрядовые песни прилузских коми: систематический указатель сюжетов

Приложение IV. Собрание и издание фольклора прилузских коми

- А: Русский фольклор прилузских коми: источники изучения (указатель)
- Б: Издание памятников фольклора прилузских коми: хронологический перечень
- В: Архивные собрания фольклора прилузских коми: источники изучения (указатель)
- Приложение V. Указатель шифров записей**

Публикации в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ:

1. Прощание с девьей красотой в свадебных причитаниях прилузских коми // Традиционная культура: Научный альманах. 2011. № 3. С. 47-59.
2. Прилузский фольклор в записях А.К. Микушева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. Петрозаводск: ПетрГУ, ноябрь, 2011. № 7. Т. 2. С. 43-45.
3. Русские лирические необрядовые песни летских коми в контексте общерусской традиции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск, 2013. С. 78-82.

Другие публикации:

4. Специфика Лузско-Летской песенной традиции (коми-вятское пограничье) // Вятский родник: Сборник материалов девятой научно-практической конференции. Вып. 9. Киров, 2008. С. 38-45.
5. Песенная терминология Летки Прилузского района Республики Коми // Слово и текст: история, культура, этнос: сборник научных трудов памяти Лидии Яковлевны Петровой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 170-176 (в соавторстве с Г.С. Савельевой).
6. Полевые исследования фольклорной традиции летского куста деревень Прилузского района Республики Коми // Человек и окружающая среда: XIX Коми республиканская научная конференция студентов и аспирантов (24 апреля 2009 г.): Тезисы докладов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 161.
7. Свадебный фольклор Прилузья в архивных собраниях Республики Коми // Материалы 17 Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция филология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 481-482.
8. Лузский свадебный фольклор (Прилузский район Республики Коми): источниковедческий аспект // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. Материалы XX всероссийской научно-теоретической конференции. Сыктывкар, 2010. С. 151-154.
9. Репертуарный состав и особенности бытования лирических необрядовых песен летского куста деревень Прилузского района Республики Коми // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов Европейского Северо-Востока. Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов 27-28 марта 2009 г. Материалы конференции. Часть 1. Сыктывкар, 2010. С. 23-25.
10. Образы природы в прилузских и сысольских свадебных причитаниях о девьей красоте // Человек и окружающая среда: XXI Коми республиканская научная конференция студентов и аспирантов (22 апреля 2011 г.): Тезисы докладов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2011. С. 185-186.

11. Русские песни в репертуаре прилузских коми (на материалах Фольклорного архива СыктГУ и Коми НЦ УрО РАН) // Рябининские чтения-2011. Материалы VI научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 347-349.
12. Тема «свадьбы» / «женитьбы» в репертуаре рождественских игрищ лузских коми // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2012.
13. Материалы XIX – первой трети XX вв. по фольклорным традициям прилузских коми // Десятые Герценовские чтения: материалы Всероссийской научной конференции (Киров, 11-12 апреля 2012). Киров, 2012. С. 282-286.
14. Образы природы в свадебных причитаниях прилузских коми (противопоставление девичьей жизни и замужества) // Человек и окружающая среда. XXII Коми республиканская научная конференция студентов и аспирантов: тезисы докладов. Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 25-27 апреля 2012. С. 105.
15. Полевые исследования летской фольклорной традиции // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2012. Вып. 1. С. 69-76.
16. Мотивы благодарения в свадебных причитаниях прилузских коми // Народная культура в слове и тексте: Сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар, 2013. С. 143-156.
17. Композиционно-стилевые особенности летской необрядовой лирики // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции студентов и аспирантов (Сыктывкар, 30 марта 2012 г.). Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 2013. С. 226-230.
18. Свадебные песни прилузских коми // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции студентов и аспирантов (Сыктывкар, 30 марта 2012 г.). Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 2013. С. 461-464.
19. Особенности бытования русскоязычных плясовых песен в репертуаре прилузских коми // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2013.
20. Образы природы в летской необрядовой лирике // Человек и окружающая среда: I Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов: тезисы докладов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2013. С. 151-152.
21. Фольклор прилузских коми в собраниях Научного архива Коми НЦ УрО РАН // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов. Сборник научных статей к 60-летию Научного архива Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2013. С. 355-359.